

18+ *Рида Вяземская*

НЕВЕСТА ДЛЯ БОССА

опасный контракт

Рита Вяземская

**Невеста для босса.
Опасный контракт**

«Издательские решения»

Вяземская Р.

Невеста для босса. Опасный контракт / Р. Вяземская —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Сейф
был абсолютно пуст. Если не считать желтого стикера с нарисованным
смайликом на задней стенке. Ужас парализовал мои легкие. Мягкий щелчок
настольной лампы. А затем — тихий, мелодичный звон кубиков льда,
ударившихся о стенку хрустального стакана.— Ты опоздала на четыре
минуты, Соболева. Кажется я переоценил твои хакерские таланты.

© Вяземская Р.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Невеста для босса. Опасный контракт

Рита Вяземская

© Рита Вяземская, 2026

ISBN 978-5-0070-4653-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Семьдесят три этажа над землей.

Дождь яростно хлестал по панорамным окнам башни «Федерация», словно пытался пробить пуленепробиваемое стекло и смыть меня вместе с моими грехами. Гроза над Москвой бушевала такая, что высотка едва заметно вибрировала, отзываясь на каждый раскат грома.

Я ненавидела грозу. До одури, до липкого пота между лопатками и сбитого дыхания. Но сегодня у меня не было привилегии бояться плохой погоды. Сегодня на кону стояла жизнь моего непутевого брата.

Мои пальцы, обтянутые тонкими черными перчатками, в очередной раз провернули металлический лимб сейфа. В кабинете генерального директора холдинга «Bagirov Empire» царила первозданная темнота, разбавляемая лишь вспышками молний. Я отключила систему безопасности всего крыла двадцать минут назад. Камеры были зациклены, датчики движения спали. Как старший аналитик отдела кибербезопасности, я знала изнанку этой башни лучше, чем линии на собственной ладони.

Электронный замок я обошла за три минуты. А вот механический дублер, встроенный в этот монструозный титановый куб, спрятанный за фальш-панелью из красного дерева, заставил меня попотеть.

Пятьдесят миллионов рублей.

Эта цифра пульсировала в висках в такт ударам сердца. Игнат, мой младший брат, идиот с замашками мажора и мозгами хлебного мякиша, умудрился задолжать эту сумму теневому синдикату. Неделью назад его принесли к моей двери избитым до полусмерти. Сказали, что в следующий раз принесут по частям. А потом я узнала, что его долг перекупили. И теперь Игнат принадлежал не бандитам. Он принадлежал моему боссу. Руслану Багирову.

Человеку, который съедал конкурентов на завтрак, не пользуясь салфетками. Безжалостному, холодному ублюдку, превратившему инвестиционный рынок столицы в свою личную шахматную доску.

Мне нужен был компромат. Любая грязная тайна, любые черные проводки, спрятанные в этом сейфе. Что-то, что я смогу обменять на жизнь брата и свою свободу.

Лимб издал тихий, едва уловимый щелчок.

— Да, — беззвучно выдохнула я, чувствуя, как по спине стекает капля холодного пота. Мокрая от дождя толстовка липла к телу, пахла сыростью и ванилью — моим дешевым гелем для душа.

Я потянула тяжелую дверцу на себя. Сердце забилось о ребра, как птица в клетке. Сейчас. Я заберу документы, сотру логи своего присутствия и исчезну.

Дверца мягко подалась. Я посветила внутрь крошечным фонариком, зажатым в зубах.

Сейф был абсолютно пуст.

Если не считать приклеенного к задней стенке желтого стикера с нарисованным черным маркером смайликом.

Ледяной ужас парализовал мои легкие. Воздух внезапно стал густым, как патока. Волоски на руках встали дыбом еще до того, как за моей спиной раздался звук, от которого кровь мгновенно застыла в жилах.

Мягкий щелчок настольной лампы.

А затем — тихий, мелодичный звон кубиков льда, ударившихся о стенку хрустального стакана.

— Ты опоздала на четыре минуты, Соболева. Я начал думать, что переоценил твои хакерские таланты.

Глубокий, бархатный баритон разорвал тишину кабинета. Этот голос я слышала на редких общих собраниях. Он всегда звучал ровно, лишенный эмоций, но заставлял взрослых, влиятельных мужчин втягивать головы в плечи.

Я медленно, словно во сне, обернулась.

Руслан Багиров сидел в огромном кожаном кресле во главе своего стола из черного мрамора. Он не выглядел как человек, которого только что пытались обокрасть. Он выглядел как хищник, который долго наблюдал за тем, как мышь сама строит себе мышеловку, и теперь наслаждался моментом, когда дверца захлопнулась.

На нем не было пиджака. Белоснежная рубашка, расстегнутая на три верхние пуговицы, обнажала смуглую кожу и край старого, уродливого шрама на груди, резко контрастирующего с его безупречным видом. Темные волосы чуть растрепаны. В одной руке он лениво покачивал бокал с янтарной жидкостью.

Свет лампы выхватывал из полумрака его лицо. Хищный профиль, жесткая линия челюсти, губы, изогнутые в циничной, едва заметной усмешке. И глаза. Черные, как сам дьявол, непроницаемые, тяжелые. Они смотрели на меня с таким подавляющим превосходством, что мне захотелось провалиться сквозь бетонные перекрытия до самой подземной парковки.

— Добрый вечер, Руслан Тимурович, — мой голос дрогнул, но я заставила себя выпрямиться. — Я могу все объяснить.

Багиров тихо рассмеялся. Этот звук не имел ничего общего с весельем. От него веяло арктическим холодом.

Он сделал неспешный глоток виски, не отрывая от меня своего гипнотического взгляда.

— О, я с удовольствием послушаю, Есения. — Он произнес мое имя так, словно пробовал его на вкус. Медленно. Растягивая гласные. — Расскажешь, как именно ты обходила про-

токол «Цербер», который сама же и писала для моей службы безопасности в прошлом месяце? Или, может, объяснишь, почему решила, что я настолько идиот, что храню конфиденциальную информацию в куске железа в собственном кабинете?

Я сглотнула вязкую слюну. Он знал. Он все знал.

— Вы ждали меня.

— Я ждал тебя еще вчера, — Багиров поставил стакан на стол. Звук показался оглушительным. — Твой брат — сказочный кретин, Есения. Но ты? Девочка с красным дипломом Бауманки, гениальный аналитик, получающая у меня зарплату с пятью нулями... и такая банальная глупость. Проникновение со взломом. Кража коммерческой тайны. Статья сто тридцать семь, статья двести семьдесят два УК РФ.

Он грациозно поднялся из кресла. При его росте под метр девяносто и развороте плеч кабинет внезапно показался катастрофически тесным. Багиров неторопливо обошел стол и направился ко мне.

Я инстинктивно отступила на шаг, пока не впечаталась спиной в холодный металл вскрытого сейфа. Бежать было некуда. За окном сверкнула молния, на секунду осветив его лицо. Жесткое. Беспощадное.

— Я не собиралась красть ваши корпоративные секреты, — процедила я, пытаясь унять дрожь в коленях. Лучшая защита — это нападение. Даже если ты нападаешь на танк с перочинным ножом. — Мне нужен был только договор о переуступке долга моего брата. Вы купили его карточный долг. Зачем? Зачем вам жалкие пятьдесят миллионов? Для вас это карманные расходы! Вы могли просто вычесть их из моей зарплаты за следующие...

— ...десять лет? — перебил он, останавливаясь в шаге от меня.

От него пахло дорогим алкоголем, кожей и терпким сандалом. Запах власти и абсолютного контроля. Этот аромат вторгся в мои легкие, вытесняя кислород.

— Вы бы даже не заметили эту сумму, — я вздернула подбородок, глядя в его черные глаза. — Вы специально перекупили долг Игната у синдиката. Чтобы загнать меня в угол.

Багиров склонил голову набок, разглядывая меня так, словно я была занятным насекомым под микроскопом. Его взгляд скользнул по моим мокрым волосам, по бледным губам, спустился к тяжело вздымающейся груди, скрытой под мешковатым худи. В этом взгляде не было похоти. Только холодный, голый расчет. И что-то еще, темное и опасное, от чего волосы на затылке зашевелились.

— Ты переоцениваешь свою значимость, Соболева, — тихо произнес он, делая еще один шаг. Теперь нас разделяли жалкие сантиметры. Тепло его большого тела ощущалось даже сквозь мою мокрую одежду. — Я скупаю проблемные активы. Это бизнес. А твой брат — просто кусок дерьма, который случайно оказался в портфеле моих инвестиций.

— Тогда позвольте мне отработать этот долг, — мой голос сорвался на жалкий шепот. Я ненавидела себя за эту слабость. — Я возьму двойную нагрузку. Я напишу вам новую нейросеть для прогнозирования биржевых рисков. Я буду спать в офисе. Только не трогайте Игната.

Руслан поднял руку. Я рефлексивно зажмурилась, ожидая удара, но вместо этого почувствовала, как его длинные, горячие пальцы жестко обхватили мой подбородок, заставляя поднять голову.

Его прикосновение обожгло. Я резко распахнула глаза. Лицо Багирова было непозволительно близко. Я видела каждую темную ресничку, каждую микроскопическую морщинку в уголках его глаз. Его дыхание коснулось моей щеки.

— Спать в офисе, говоришь? — его голос стал еще ниже, превратившись в вибрирующий рокот. Большой палец медленно, почти интимно провел по моей нижней губе. От этого жеста по телу ударил электрический разряд. — Какая самоотверженность. Но мне не нужна новая нейросеть, Есения. У меня в штате двести индусов, которые напишут ее за неделю.

Я попыталась вырваться, дернув головой, но его пальцы сжались на моей челюсти стальной хваткой. Не больно, но абсолютно непреклонно.

— Отпустите, — прошипела я.

— Ты вломилась в мой кабинет, Соболева, — напомнил он, не убирая руку. — У меня на столе лежит красная папка. В ней — расписка твоего брата, запись с камер видеонаблюдения, где ты взламываешь систему безопасности, и готовое заявление в полицию. Одно мое слово, и ты сядешь лет на восемь. Твоя мать не переживет этого позора. А Игната найдут в Москве с бетонным блоком на ногах, потому что долг никуда не исчезнет.

Мир вокруг покачнулся. Угроза была реальной. Багиров не бросал слов на ветер. Он был известен тем, что уничтожал людей и компании с холодным изяществом хирурга.

Слезы отчаяния обожгли глаза, но я сжала зубы так сильно, что они скрипнули. Я не заплачу перед ним. Только не перед этим ублюдком.

— Что вам нужно? — выдавила я, чувствуя, как внутри все обрывается в черную пустоту. — Если вы не собираетесь сдавать меня полиции... значит, я вам для чего-то нужна.

В глазах Руслана мелькнуло удовлетворение. Он отпустил мой подбородок, но не отодвинулся.

— Умная девочка, — он усмехнулся и повернулся к столу. Взял ту самую пухлую красную папку и бросил ее передо мной на столешницу. — Я предлагаю тебе сделку.

— Сделку? — я нервно сглотнула, обхватывая себя руками за плечи. Мокрая одежда начала неприятно холодить кожу.

Багиров оперся бедром о край стола, скрестив руки на груди. Ткань рубашки натянулась на его широких плечах.

— Через две недели я подписываю контракт десятилетия с суверенным фондом Абу-Даби. Инвестиции на триллион рублей. Шейх Аль-Мансур — человек старой закалки, консерватор до мозга костей. Он не ведет бизнес с холостяками и теми, кого считает «повесами». Для него семья — гарант стабильности.

Я моргнула, пытаюсь связать воедино шейхов, инвестиции и мой взлом.

— И при чем здесь я?

— При том, Соболева, что моя репутация в желтой прессе далека от образа примерного семьянина. Мне нужен статус. Железобетонный, красивый фасад, который закроет рот журналистам и успокоит Аль-Мансура.

До меня начало доходить. И этот вывод оказался страшнее, чем перспектива тюрьмы.

— Нет, — я замотала головой. — Вы шутите. У вас половина светской Москвы в любовницах. Вон, Элина из PR-отдела только что на стол вам не ложится. Возьмите ее!

Лицо Багирова потемнело. Холодная маска треснула, обнажив раздражение.

— Элина — хищная пиявка, которая сольет информацию конкурентам при первой возможности. Светские львицы не умеют держать рот на замке. А ты... — он окинул меня долгим, раздевающим взглядом, от которого кровь прилила к щекам. — Ты — идеальный кандидат. Скромная. Из простой семьи. Не светилась в скандалах. Отличный аналитик. Замотивирована молчать. Мы познакомились на работе, служебный роман перерос в нечто большее. Красивая сказка для инвесторов.

— Я не буду играть роль вашей подстилки! — выпалила я, задыхаясь от возмущения и страха. — Вы с ума сошли!

Багиров в одно неуловимое движение оказался рядом. Он навис надо мной, вжимая меня в сейф своей мощной аурой.

— Ты не поняла, Есения, — прошептал он, и от его тона по моему позвоночнику пробежал таун мурашек. — Это не предложение, от которого можно отказаться. Это ультиматум. Либо ты подписываешь контракт, переезжаешь ко мне, надеваешь кольцо и играешь роль моей безумно влюбленной, покорной невесты следующие полгода... Либо прямо сейчас я вызываю наряд полиции. А завтра твой брат пойдет на органы.

Я смотрела в его черные, бездонные глаза и видела там лишь холодный гранит. Он сломаст меня и даже не заметит.

За окном грохнул гром. Я вздрогнула всем телом, рефлекторно вжимаясь в металл позади себя. Паническая атака, которую я так старательно давила, начала подниматься к горлу липким комом. Воздуха стало катастрофически мало.

Багиров заметил мою реакцию. Его взгляд на секунду задержался на моих дрожащих губах. И вдруг он сделал то, чего я никак не ожидала. Он поднял руку и медленно, почти нежно

заправил влажную прядь моих волос за ухо. Его пальцы скользнули по моей шее, задержавшись там, где бешено бился пульс.

Меня бросило в жар. От этого контраста — его безжалостных слов и обжигающе мягкого прикосновения — кружилась голова. Я ненавидела его. Я до зубовного скрежета ненавидела этого человека. Но мое тело предательски реагировало на его близость.

— Не дрожи, Соболева, — хрипло произнес он. — Я не кусаюсь. Если, конечно, меня не попросить.

Он сунул руку в карман брюк и достал небольшую бархатную коробочку глубокого синего цвета. Щелчок — и на фоне темного кабинета тускло блеснул бриллиант. Огромный. Безупречной огранки. Камень, который стоил больше, чем моя жизнь.

— Пятьдесят миллионов, Есения. Твоя свобода и жизнь твоего брата в обмен на шесть месяцев твоей жизни. Твоего времени. Твоей преданности.

Я перевела взгляд с кольца на его лицо. Горло сдавило спазмом.

— Вы чудовище, Руслан Тимурович, — прошептала я, чувствуя, как по щеке все-таки скатилась одна-единственная, предательская слеза.

Багиров не ответил. Он аккуратно поймал мою левую руку. Его хватка была непрекрасимой. Я попыталась сжать пальцы в кулак, но он с легкостью разжал их, словно я была пластилиновой куклой.

Холодный металл скользнул на мой безымянный палец. Кольцо село идеально, словно было отлито специально для меня. Словно ошейник с бриллиантами.

Руслан не отпустил мою руку. Он притянул меня к себе за талию, впечатывая в свое твердое тело. Я ахнула от неожиданности, упершись ладонями в его широкую грудь. Под пальцами бешено, но ровно билось его сердце.

Он наклонился, его губы оказались в миллиметре от моих. Я чувствовала терпкий вкус виски на его дыхании. Мои ресницы затрепетали. На секунду мне показалось, что он поцелует меня прямо сейчас, грубо, жестко, доказывая свою власть.

Но вместо этого Багиров скользнул губами по моей щеке и остановился у самого уха.

— Добро пожаловать в ад, милая, — прошептал он, и каждое его слово обожгло мою кожу, словно клеймо. — Завтра в восемь утра мои люди заберут твои вещи. И только попробуй сбежать. Я достану тебя из-под земли.

Он отстранился, мгновенно возвращая себе холодную маску отстраненного босса, и кивнул на дверь.

— А теперь свободна. Иди домой и выпишись, невеста. Завтра у нас трудный день.

Я стояла, тяжело дыша, чувствуя на пальце чудовищную тяжесть кольца, которое только что перечеркнуло всю мою жизнь. Я смотрела на человека, который стал моим личным дьяволом, и понимала одно: следующие полгода я буду жить на минном поле.

И я сделаю все, чтобы одна из этих мин разорвалась прямо под его ногами.

Я развернулась и, не сказав ни слова, бросилась к двери. Выбежав в коридор, я слышала лишь стук собственного сердца и раскаты грома, разрывающие ночное небо Москвы.

Глава 2

Утро встретило меня режущей болью в воспаленных от бессонницы глазах.

Я не спала ни секунды. Всю ночь я сидела на полу своей крошечной, съёмной двушки в Медведково, прижав колени к груди, и смотрела на кольцо. Тяжелый, ледяной бриллиант издевательски поблескивал в свете уличного фонаря, пробивающегося сквозь тонкие шторы. Это кольцо было клеймом. Ценником, который Руслан Багиров повесил на мою жизнь.

Пятьдесят миллионов рублей.

Я нервно потерла переносицу и бросила взгляд на старый, потертый диван в углу комнаты. Там, разметав длинные конечности и тихо похрапывая, спал мой брат. Лицо Игната представляло собой живописное полотно из желтеющих синяков и запекшейся крови — привет от коллекторов синдиката. У него был разбит нос и сломаны два ребра. Но он спал сном младенца, даже не подозревая, что его старшая сестра только что продала душу дьяволу, чтобы этот идиот мог продолжать дышать.

— Идиот, — беззлобно, но с горечью прошептала я, поднимаясь с пола. Колени хрустнули.

Стрелка настенных часов неумолимо приближалась к половине восьмого. Багиров сказал, что его люди приедут в восемь. Пунктуальность этого человека была такой же пугающей, как и его взгляд.

Я вытащила из шкафа старый спортивный чемодан на колесиках, с которым четыре года назад приехала покорять Москву из провинции. Мой гардероб состоял из трех безразмерных строгих костюмов, в которых я прятала фигуру от сальных взглядов коллег-айтишников, нескольких худи, потертых джинсов и пары кед. Собрать было особо нечего. Я бросала вещи в чемодан механически, словно робот, у которого сбились базовые настройки.

— Сеня? — хриплый голос брата раздался с дивана. Игнат приподнялся на локтях, морщась от боли в ребрах. Его заплывший правый глаз сфокусировался на моем чемодане. — Ты куда собралась? Нас выселяют?

— Нет, Игнат. Нас не выселяют, — я застегнула молнию на чемодане и выпрямилась. На мне был мой лучший (и единственный не затертый до дыр) темно-серый брючный костюм свободного кроя. Волосы я стянула в тугую, строгий пучок на затылке. Броня. Мне нужна была броня. — Я уезжаю в длительную командировку. Корпоративный проект. Очень важный.

Брат недоверчиво прищурился.

— А я? А как же эти... ну, те парни из синдиката? Сеня, они сказали, что вернутся в пятницу. Если денег не будет...

— Долга больше нет, — отрезала я, чувствуя, как внутри все сжимается от холода. — Я закрыла его. Компания выдала мне ссуду под этот проект. Так что ты свободен, Игнат. Никто не придет ломать тебе оставшиеся ребра.

Игнат выдохнул с таким облегчением, что диван под ним скрипнул. На его разбитом лице появилась беспечная улыбка, за которую я одновременно любила его и хотела придушить.

— Блин, сестренка, ты лучшая! Я знал, что ты что-нибудь придумаешь. Я клянусь, больше никаких карт. Никаких подпольных казино. Я устроюсь на работу, брошу универ...

— Только попробуй бросить универ, и я сама сломаю тебе ноги, — угрожающе произнесла я, подходя к нему. — Я оплатила твоё обучение авансом. Сиди дома, лечи ребра и учись. Маринка из кофейни будет приносить тебе еду, я с ней договорилась.

Я потянулась, чтобы поправить одеяло, и в этот момент лучи утреннего солнца ударили прямо в бриллиант на моем безымянном пальце. Игнат замер. Его глаза округлились.

— Ебать-копать... — вырвалось у него. — Сеня, это что?

Я быстро спрятала руку в карман брюк, чувствуя, как краска заливает щеки.

— Реквизит, — соврала я, не моргнув глазом. — Я же сказала, проект серьезный. Внедрение под прикрытием. Легенда требует.

Игнат хотел сказать что-то еще, но его перебил короткий, властный сигнал автомобильного клаксона с улицы. Я подошла к окну и отодвинула занавеску.

У обшарпанного подъезда нашей панельной пятиэтажки, распуская местных голубей и бабушек, стоял абсолютно черный, тонированный в ноль «Майбах». Водитель в строгом черном костюме уже стоял у открытой задней двери, глядя на мои окна. Часы показывали ровно 8:00.

— Мне пора, — я подхватила чемодан. — Не натвори глупостей, Игнат. Пожалуйста.

— Все будет ровно, сестренка. Удачи Джеймсу Бонду, — хмыкнул брат, откидываясь на подушку.

Я закрыла за собой дверь, понимая, что прощаюсь не только с квартирой, но и с собственной свободой.

Поездка до Москва-Сити прошла в абсолютной тишине. Водитель, представившийся Борисом, был нем как рыба и смотрел на дорогу с таким выражением лица, будто вез не айтишницу из Медведково, а ядерную боеголовку.

Когда мы въехали на подземный паркинг башни «Федерация», мои ладони стали влажными. Обычно я заходила через турникеты для рядовых сотрудников, предъявляла бейдж и спускалась на минус первый этаж, в царство серверов и программистов, где пахло энергетиками и пиццей.

Сегодня Борис провел меня к лифту для высшего руководства. Магнитная карта пискнула, и кабина из красного дерева и зеркал стремительно понесла нас на семьдесят третий этаж. Мой желудок остался где-то в районе парковки.

Двери разъехались с тихим шелестом. Приемная генерального директора встретила меня оглушающей роскошью и идеальной тишиной. Секретарша Лидочка — высокая блондинка с ногами от ушей и взглядом снайпера — оторвалась от монитора. Ее идеально выщипанные брови взлетели вверх, когда она увидела меня и мой дешевый спортивный чемодан.

— Соболева? Что ты здесь делаешь? Тебе на минус первый, — холодно процедила она.

— Руслан Тимурович ждет Есению Андреевну, — отрезал Борис, ставя мой чемодан у дивана. — Проходите.

Челюсть Лидочки грациозно отвисла. Я, стараясь не выдать дрожи в коленях, прошла мимо нее к массивным двустворчатым дверям. Вдохнула запах дорогой кожи и кофе, витающий в воздухе, толкнула дверь и шагнула в логово зверя.

После вчерашней грозы и ночного мрака кабинет выглядел совершенно иначе. Огромные панорамные окна заливали пространство утренним солнцем, под ногами пружинил мягкий ковер. За мраморным столом сидел он.

Руслан Багиров разговаривал по телефону на беглом английском. На нем был темно-синий костюм, сшитый на заказ, белоснежная рубашка и узкий галстук. Волосы зачесаны назад с легкой небрежностью, которая стоит дороже, чем моя квартира. Он выглядел свежим, энергичным и дьявольски опасным. Казалось, бессонница — удел простых смертных, а не таких, как он.

Увидев меня, Багиров небрежно махнул рукой, указывая на кресло напротив себя, и продолжил разговор, диктуя какие-то многомиллионные цифры.

Я села на краешек кожаного кресла, чувствуя себя школьницей на приеме у директора. Мой мешковатый костюм внезапно показался мне не броней, а шутовским нарядом. Я сжала руки на коленях, стараясь скрыть бриллиант, но взгляд Руслана, скользнувший по мне, ошибочно нашел кольцо. Уголок его губ дрогнул в едва заметной усмешке.

— ...сделка закрыта. Передайте шейху мои наилучшие пожелания. Да, до встречи на приеме, — Багиров бросил телефон на стол и сцепил пальцы в замок, опираясь локтями на мраморную столешницу. — Доброе утро, невеста. Вижу, ты решила не испытывать судьбу и приехала вовремя.

— Вы оставили мне выбор? — сухо ответила я, выдерживая его тяжелый взгляд.

— Выбор есть всегда, Есения. Просто иногда оба варианта тебе не нравятся, — философски заметил он. Багиров выдвинул ящик стола и достал оттуда толстую папку из плотной кремовой бумаги. Он небрежно бросил ее передо мной. Рядом легла гладкая черная ручка «Паркер». — Твой новый трудовой и... личный договор. Читай. Подписывай. И начнем работать.

Я придвинула папку к себе. Пальцы слегка дрожали, когда я перевернула первую страницу. Юридический текст был составлен безупречно. Никаких лазеек.

Я начала читать, и с каждым пунктом мои брови ползли все выше, а возмущение закипало в крови горячей волной.

— «Пункт 3.4. Исполнитель (то есть я) обязуется проживать на территории Заказчика (то есть вас) все время действия контракта без права ночевать в других местах», — я подняла на него возмущенный взгляд. — Вы серьезно? Я буду вашей пленницей?

— Ты будешь моей невестой, — спокойно поправил Багиров, откидываясь на спинку кресла. — Шейх Аль-Мансур помешан на безопасности. Его служба безопасности уже наверняка пробивает нас. Если моя «без ума влюбленная» невеста после работы едет в ободранную хрущевку в Медведково, а не в мой пентхаус на Остоженке, это вызовет вопросы. У меня восемьсот квадратных метров, Соболева. Мы даже не будем пересекаться, если ты не захочешь.

Я скрипнула зубами и опустила глаза в текст.

— «Пункт 4.1. Публичное поведение», — прочитала я вслух, и мой голос дрогнул. — «Исполнитель обязуется демонстрировать абсолютную лояльность, привязанность и физический контакт с Заказчиком на публичных мероприятиях, перед прессой и сотрудниками холдинга...» Что значит «физический контакт»?

Руслан наклонился вперед, его глаза потемнели, приобретая оттенок крепкого черного кофе.

— Это значит, Соболева, что если я беру тебя за руку, ты не вырываешься. Если я обнимаю тебя за талию, ты улыбаешься и прижимаешься ко мне, а не стоишь, как проглотившая швабру девственница. Ты должна смотреть на меня так, будто я — центр твоей вселенной. Справишься со своими актерскими данными?

— Я аналитик, а не актриса театрального училища, — огрызнулась я. Я перелистнула страницу и нахмурилась, пробегая глазами по тексту. — Здесь нет одного очень важного пункта, Руслан Тимурович.

— Какого же?

— Пункта о границах интимной близости, — я вскинула подбородок, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хотя сердце билось где-то в районе гланд. — Я требую внести пункт, запрещающий любой физический контакт сексуального характера за закрытыми дверями.

В кабинете повисла тяжелая, звенящая тишина. Багиров смотрел на меня несколько секунд, а затем... рассмеялся. Это был не тот ледяной смех, что вчера ночью. В нем звучало искреннее, неподдельное мужское веселье, которое взбесило меня еще больше.

— Соболева, — отсмеявшись, он стер невидимую слезинку в уголке глаза. — Умерь свое эго. Во-первых, я не сплю со своими подчиненными. Это мое железное правило, которое не нарушалось ни разу за десять лет. Во-вторых... — его взгляд скользнул по моему мешковатому серому пиджаку, скрывающему фигуру, и в этом взгляде было столько снисходительного пре-

небрежения, что мне захотелось плеснуть в него горячим кофе. — При всем уважении к твоему блестящему уму, ты совершенно не в моем вкусе. Мне нравятся женщины, которые умеют носить шелк, а не чехлы от танков. Так что твоя невинность, или что там у тебя осталось, в абсолютной безопасности.

Слова хлестнули, как пощечина. Мои щеки вспыхнули от унижения и гнева. Ах, не в его вкусе? Чехлы от танков?! Я инстинктивно запахнула пиджак плотнее, ненавидя себя за то, что его оценка вообще меня задела.

— Отлично, — процедила я ледяным тоном. — Раз я вас так не привлекаю, тогда вам не составит труда добавить этот пункт на бумагу.

Руслан раздраженно цокнул языком, вырвал у меня из рук ручку и быстрым, размашистым почерком вписал строку на полях контракта.

— «Заказчик обязуется не вступать в интимную связь с Исполнителем...», — прочитал он вслух, ставя свою подпись, а затем поднял на меня хищный, темный взгляд. — «...до тех пор, пока Исполнитель сама об этом не попросит».

— Я никогда об этом не попрошу! — выпалила я, задыхаясь от возмущения. — Вы самолюбленный...

— Подписывай, Есения, — резко оборвал он меня, и веселье исчезло из его глаз, уступив место стали. — Мы тратим время. У нас через пятнадцать минут совет директоров, на котором я представлю тебя как свою личную помощницу и будущую жену.

Я замерла, сжимая в руке холодный металл ручки. Пути назад не было. Я вспомнила разбитое лицо Игната. Вдохнула запах сандала, исходящий от мужчины напротив. И резким, почти злым движением поставила свою подпись на каждом из трех экземпляров.

Багиров удовлетворенно кивнул. Он открыл верхний ящик стола, достал оттуда красный конверт и бросил его мне.

— Долг твоего брата. Оригиналы расписок и закладных. Можешь уничтожить. Шредер в углу.

Я схватила конверт дрожащими руками. Проверила документы — подпись Игната, суммы, печати синдиката. Все было здесь. Я подошла к аппарату и методично, лист за листом, скормила ему причины моих кошмаров. Звук перемалываемой бумаги показался мне самой прекрасной музыкой на свете.

Когда я обернулась, Багиров уже стоял у двери, набрасывая на плечи пиджак.

— Идем.

Я поправила свой многострадальный костюм и пошла за ним, чувствуя себя смертницей, идущей на эшафот. Мы вышли в приемную. Лидочка вытянулась по струнке.

— Лидия, перенеси все звонки на Макара. Мы спускаемся в конференц-зал, — бросил Багиров, даже не глядя на секретаршу.

Мы подошли к лифту. Багиров нажал кнопку вызова. Створки разъехались, и мы шагнули в зеркальную кабину. Как только двери закрылись, отсекая нас от внешнего мира, пространство вокруг мгновенно сжалось.

Руслан нажал кнопку сорокового этажа, где находился зал заседаний, а затем повернулся ко мне. Его взгляд был тяжелым, оценивающим.

— Сними это, — внезапно скомандовал он.

— Что? — я вжалась спиной в зеркальную стенку.

— Пиджак. Сними его. Ты выглядишь так, будто собралась на похороны советской номенклатуры, а не на объявление о помолвке с миллиардером.

— Я не...

Он не стал слушать. Багиров шагнул ко мне, вторгаясь в мое личное пространство. Его большие, горячие руки легли на лацканы моего пиджака. Я дернулась, но он жестко удержал меня на месте.

— Не дергайся, Исполнитель, — низко пророкотал он над моим ухом. — Пункт 4.1. Помнишь?

Его пальцы ловко стянули с моих плеч тяжелую ткань пиджака, оставив меня в тонкой, белой шелковой блузке без рукавов. Блузка была закрытой под самое горло, но ткань слишком плотно облегла грудь. Воздух в лифте внезапно стал горячим и густым.

Руслан отбросил мой пиджак на поручень лифта. Его взгляд медленно спустился к моей груди, которая часто вздымалась от сбившегося дыхания, а затем поднялся к лицу.

В его черных глазах мелькнуло что-то странное. Удивление? Голод? Он моргнул, и наваждение исчезло.

— Так лучше, — хрипло констатировал он. Его руки скользнули по моим плечам, а затем он внезапно выдернул шпильку из моего пучка.

— Эй! — возмутилась я, когда мои пепельно-русые волосы тяжелой волной рассыпались по плечам.

— Невесты Багирова не носят учительские пучки, Соболева, — он пропустил прядь моих волос сквозь пальцы. Жест был почти интимным. От близости его тела меня бросало в жар. — Сейчас двери откроются. Там будет весь совет директоров. Топ-менеджеры. Элина.

При упоминании стервозной пиарщицы, которая месяц назад вылила мне на туфли свой латте и даже не извинилась, я непроизвольно напряглась.

— Я помню условия, — выдавила я, стараясь смотреть на его галстук, а не в глаза.

— Хорошо. Потому что шоу начинается прямо сейчас.

Лифт звякнул. Цифры на табло замерли на отметке «40».

Створки начали медленно разъезжаться. Сквозь увеличивающуюся щель я увидела просторный холл перед конференц-залом, заполненный людьми в дорогих костюмах. Они о чем-то переговаривались, но звук прибывшего лифта генерального директора заставил их обернуться. Я увидела Макара — двоюродного брата Руслана, стоящего с чашкой кофе. Увидела Элину в ее вызывающе красном платье, ее губы уже кривились в заискивающей улыбке, предназначенной для босса.

Я напряглась, готовясь сделать шаг вперед, но Багиров не дал мне сдвинуться с места.

Его правая рука собственнически легла мне на талию, притягивая вплотную к своему твердому телу. Левая рука зарылась в мои распущенные волосы на затылке, фиксируя голову.

— Руслан... — пискнула я, широко распахнув глаза.

— Играй, Есения, — шепнул он мне прямо в губы.

И пока створки лифта окончательно не открылись, обнажая нас перед десятками изумленных взглядов, Руслан Багиров властно, жестко и бескомпромиссно накрыл мои губы своими.

Это не был легкий поцелуй «для камер». Это было вторжение. Захват территории. Его губы были горячими, требовательными и властными. Он целовал меня так, словно имел на это абсолютное право. Мои руки инстинктивно вцепились в лацканы его дорогого пиджака. Я хотела оттолкнуть его, но вместо этого мои пальцы лишь судорожно сжались на ткани.

Мир за пределами лифта перестал существовать. Запах сандала и виски одурманил мой мозг. Я почувствовала, как его язык скользнул по моей нижней губе, требуя доступа, подчинения. Удар сердца отдался пульсацией где-то внизу живота. Мое тело предательски, постыдно отозвалось на этот грубый мужской напор. Я тихо, едва слышно выдохнула в его рот.

В холле повисла гробовая, звенящая тишина. Кто-то ахнул. Я услышала звук разбившейся чашки — видимо, Макар выронил свой кофе.

Руслан медленно разорвал поцелуй. Его грудь тяжело вздымалась. Черные глаза потемнели до состояния бездны. Он смотрел на мои припухшие, влажные губы с таким выражением, что у меня перехватило дыхание. Вся его теория о «чехлах для танков» только что разбилась о градус напряжения, искрящего между нами.

Багиров наклонился к самому моему уху, обжигая кожу горячим дыханием, и прошептал так тихо, чтобы слышала только я:

— Кажется, мы забыли прописать пункт о том, что ты не должна так сладко стонать в мои губы, Исполнитель.

Мое сердце остановилось, а затем пустилось вскачь.

Руслан отстранился, его лицо мгновенно стало непроницаемым, как у мраморной статуи. Он переплел свои пальцы с моими, выставляя напоказ кольцо с огромным бриллиантом, и, не давая мне опомниться, вывел меня из лифта прямо под прицел десятков шокированных взглядов.

— Дамы и господа, — голос Багирова прозвучал ровно и властно, разрезая тишину холла. Он обвел взглядом остолбеневших топ-менеджеров и замершую с перекошенным лицом Элину. — Позвольте представить. Есения Соболева. Моя невеста. И с сегодняшнего дня — моя личная помощница. Прошу любить и не жаловаться. Потому что жалоба обойдется вам в увольнение.

Элина побледнела так, что стала сливаться со стенами. Макар медленно перевел взгляд с моего лица на Руслана, и в его глазах мелькнуло что-то темное, расчетливое.

Капкан захлопнулся. И я с ужасом понимала, что самая большая опасность в этой игре исходит не от врагов Багирова.

Самая большая опасность исходила от самого Багирова. И от того, как предательски дрожали мои колени после его поцелуя.

Глава 3

Вкус поцелуя Руслана Багирова преследовал меня весь остаток дня.

Терпкий виски, крепкий кофе и что-то неуловимо-острое, мужское, от чего внутри все сворачивалось в тугую, пульсирующий узел. На совете директоров я сидела по правую руку от него, оглушенная, с горящими щеками, и механически кивала, пока он излагал стратегию слияния с арабским фондом.

Топ-менеджеры смотрели на меня так, словно я была бомбой с часовым механизмом, которая только что материализовалась прямо на столе из красного дерева. Элина буравила меня взглядом, способным прожигать титановые плиты. А Макар... Макар улыбался. И от этой его понимающей, чуть снисходительной улыбки мне становилось холоднее, чем от открытой ненависти Элины.

Когда рабочий ад подошел к концу, мы спустились на парковку. Всю дорогу до Остоженки, где находилась резиденция Багирова, мы ехали в оглушительном молчании. Руслан работал в планшете, отгородившись от меня невидимой, но осязаемой стеной льда. Контраст между тем мужчиной, который властно пожирал мои губы в лифте, и этим холодным киборгом в костюме сводил с ума.

Я сидела, вжавшись в кожаную обивку дверцы «Майбаха», и то и дело ловила себя на том, что неосознанно касаюсь пальцами своих припухших губ.

— Если продолжишь так их тереть, сотрешь в кровь, — не отрывая взгляда от экрана планшета, ровным голосом произнес Багиров.

Я вздрогнула и поспешно убрала руки на колени.

— Я просто пытаюсь стереть бактерии. Кто знает, чем можно заразиться, целуясь с человеком, чья личная жизнь регулярно пополняет страницы светской хроники.

Руслан усмехнулся. В полумраке салона блеснули его белые зубы. Он отложил планшет и медленно повернул ко мне голову. Его темные глаза мерцали в свете проносящихся мимо уличных фонарей.

— Не льсти себе, Соболева. Этот поцелуй был исключительно в рамках пункта четырех-один. Чистый пиар. Никаких эмоций, только бизнес.

— О, я заметила, — я вскинула подбородок, отказываясь сдавать позиции. — Вашему бизнесу не помешал бы курс по управлению гневом. Вы чуть не сломали мне челюсть.

— Если бы я хотел тебя сломать, Есения, ты бы сейчас не огрызалась, а скулила, — его голос упал на октаву ниже, приобретая ту самую хрипотцу, от которой у меня по спине бежали мурашки. — Привыкай. Шейх прилетает через четыре дня. Нам предстоит много светских раутов. И на каждом из них ты будешь улыбаться, смотреть на меня с обожанием и терпеть мои прикосновения.

— Я скорее стерплю прикосновения ядовитой жабы.

— Посмотрим, — коротко бросил он, когда машина плавно затормозила у въезда в элитный жилой комплекс.

Пентхаус Багирова занимал весь верхний этаж. Лифт, открывающийся по отпечатку пальца Руслана, выплюнул нас прямо в огромный холл.

Я сделала шаг вперед и замерла, оглядываясь. Восемьсот квадратных метров холода. Черный мрамор на полу, идеальные линии минимализма, темно-серая и черная мебель, бетон, стекло и металл. Панорамные окна от пола до потолка открывали головокружительный, почти пугающий вид на ночную Москву: сияющий Кремль, изгиб Москвы-реки, бесконечные потоки огней.

Квартира была безупречно стильной, дорогой до неприличия и абсолютно неживой. Как красивый мавзолей. Здесь не было ни одной фотографии, ни одного брошенного пледа или забытой на столе книги. Все кричало о тотальном контроле ее владельца.

— Твоя комната — гостевая спальня в восточном крыле. Вторая дверь направо, — Руслан бросил ключи на стеклянную консоль и стянул галстук, небрежно расстегивая верхние пуговицы рубашки. Мой дешевый спортивный чемодан сиротливо стоял у входа — водитель занес его сюда еще утром. — Ванная прилегает к спальне. Гардеробная там же. Завтра приедут стилисты, заполнят ее вещами, которые соответствуют твоему новому статусу. То, что сейчас на тебе, можешь сжечь.

— Это мой счастливый костюм, — огрызнулась я, хватаясь за ручку чемодана.

— Значит, удача тебе изменила.

Я хотела ответить ему какой-нибудь ядовитой колкостью, но в этот момент из темноты коридора раздался звук. Это было похоже на нечто среднее между утробным рычанием демона и шипением спущенной шины.

Я инстинктивно отшатнулась, когда в полосу света из-за угла медленно, грациозно и максимально угрожающе вышло *оно*.

Огромный, абсолютно лысый кот породы сфинкс. У него была кожа цвета мокрого асфальта, собранная в суровые складки, мощные лапы и жуткие, светящиеся желтые глаза, в которых читалась многовековая ненависть ко всему живому.

Кот уселся посреди холла, обвив хвостом лапы, и уставился на меня так, словно прикидывал, с какой ноги начать меня жрать.

— Господи, что это? — выдохнула я, невольно прячась за чемодан.

— Это Люцифер, — Руслан посмотрел на кота без особой любви, но с определенной долей уважения. — И он оправдывает свое имя. Не трогай его, Соболева. Он ненавидит людей. Последней домработнице он прокусил палец до кости, когда она попыталась погладить его.

Просто игнорируй его, и, возможно, он позволит тебе перемещаться по квартире без кровопролития.

— Вы держите дома монстра, который калечит персонал? — возмутилась я.

— Мы с ним нашли общий язык. Мы оба не любим незваных гостей, — Руслан усмехнулся. — Идем. Полотенца в шкафу.

Багиров сделал шаг в сторону кухни, но я осталась на месте. Люцифер поднялся и медленной, хищной походкой направился ко мне.

— Есения, отойди от него, — в голосе Руслана зазвучало предупреждение. Он остановился, напрягшись.

Но я почему-то не чувствовала страха. Возможно, потому что за свою жизнь я видела монстров страшнее (один из них сейчас стоял в трех метрах от меня в дорогой рубашке). А возможно, потому что в этих желтых, злых глазах кота я увидела бесконечное одиночество.

Я отпустила ручку чемодана и медленно, чтобы не делать резких движений, опустилась на корточки прямо на холодный мрамор.

— Есения, я не шучу, у него зубы как у бультерьера, — резко бросил Багиров, делая шаг ко мне.

— Тш-ш-ш, — я подняла руку, останавливая Руслана, а затем протянула раскрытую ладонь к морде кота. — Привет, Ваше Злейшество. Ну, давай, откуси мне палец. У меня сегодня все равно паршивый день.

Люцифер замер в паре сантиметров от моей руки. Его ноздри дрогнули, втягивая запах. Он посмотрел мне прямо в глаза, потом перевел взгляд на Руслана, словно оценивая расстановку сил.

А затем произошло то, от чего челюсть Багирова слегка отвисла.

Люцифер издал хриплый, скрипучий звук, похожий на работу сломанного трактора — он замурлыкал. Кот шагнул вперед и с силой боднул мою ладонь своей морщинистой лысой головой, требуя ласки.

— Да ты просто большой, злой, недолюбленный ребенок, — улыбнулась я, начиная чесать его за ушами и по горячей, бархатистой шее. Кот выгнул спину дугой, терся о мои колени и тархтел так громко, что эхо разносилось по холлу.

Я подняла глаза на Багирова. Генеральный директор, гроза инвестиционного рынка, стоял с таким лицом, будто у него на глазах нарушились законы физики.

— Предатель, — тихо, почти с обидой произнес Руслан, глядя на кота. — Я кормлю тебя тунцом за сто евро, а ты продан за почесушки первой встречной.

— Животные чувствуют людей, Руслан Тимурович, — я не удержалась от шпильки, поднимаясь на ноги. Люцифер тут же сел рядом со мной, обвив мою ногу лысым хвостом, как собака-охранник. — Видимо, он понял, что я здесь единственная заложница с добрым сердцем.

Лицо Багирова вновь закрылось непроницаемой маской. Он шагнул ко мне. Воздух между нами мгновенно наэлектризовался, вытесняя кислород.

— В этом доме нет заложников, Есения, — он наклонился ко мне так близко, что я вновь почувствовала запах его парфюма. — У нас контракт. И ты сама его подписала. Обустраивайся. Завтра выезжаем в офис в восемь. Не опаздывай.

Он круто развернулся и ушел вглубь квартиры, растворяясь в тенях своего идеального мавзолея.

Моя комната оказалась размером с трехкомнатную квартиру, в которой я выросла. Огромная кровать king-size с темно-синим шелковым бельем, пушистый ковер, плазменная панель на стене и стеклянные двери, ведущие на террасу.

Я разобрала свои немногочисленные вещи, сиротливо повесив три пиджака и пару худи в огромную гардеробную, где они выглядели как бедная родственница на балу.

Приняв душ в ванной, отделанной черным камнем, я надела свою старую любимую пижаму — растянутую футболку с логотипом Бэтмена и фланелевые штаны в клетку. Вряд ли Багиров заглянет ко мне проверить дресс-код.

Я забралась под одеяло, но сон не шел. Часы на прикроватной тумбочке показывали 02:15.

Тишина в пентхаусе была давящей, звенящей. В моей квартире в Медведково всегда что-то происходило: гудели трубы, ругались соседи за стеной, с улицы доносился шум машин, а Игнат храпел на диване. Эта какофония жизни убаюкивала меня.

Здесь же было тихо, как в космосе. Только мерное, издевательски ровное тиканье электронных часов.

Я поворочалась еще полчаса, чувствуя, как в горле пересыхает от нервов. Мне нужна была вода.

Скинув одеяло, я босиком вышла в коридор. В пентхаусе горела лишь дежурная ночная подсветка — тусклая полоса света вдоль плинтусов. Я на цыпочках, стараясь не шуметь, двинулась в сторону того крыла, где, как я помнила, находилась кухня.

Мой путь пролегал мимо мастер-спальни хозяина.

Я собиралась проскользнуть мимо, но дверь в ванную комнату Багирова была приоткрыта. Из щели на темный паркет падал яркий, холодный луч света.

Я замерла. Инстинкт самосохранения кричал: «Иди дальше!», но какое-то странное, почти гипнотическое чувство заставило меня остановиться. В тишине раздался плеск воды, а затем тяжелый, прерывистый вздох, полный какой-то глухой, сдерживаемой боли.

Я сделала крошечный шаг ближе к приоткрытой двери. И заглянула внутрь.

Руслан стоял у огромной мраморной раковины, опершись на нее обеими руками. Его голова была опущена. Вода из крана лилась сплошным потоком, но он не обращал на нее внимания. На нем были только низко сидящие темные спортивные штаны. Никакой рубашки. Никакой брони.

Мускулатура на его широкой спине перекачивалась под загорелой кожей от малейшего движения. Он тяжело дышал, словно только что пробежал марафон.

Руслан поднял голову, посмотрел на свое отражение в зеркале и с силой потер виски пальцами, словно пытаясь выдавить из головы невыносимую боль. В этот момент он слегка развернулся в профиль к двери.

Свет лампы упал прямо на его грудь.

И я увидела ЕГО. Шрам.

Я видела его краешек еще днем, когда рубашка была расстегнута, но сейчас он предстал передо мной целиком. Он находился прямо над сердцем. Рваный, уродливый, с белесыми краями. Это был не след от ножа или пули. Это был ожог, смешанный с разрезом, как будто плоть вскрывали в спешке, без наркоза, чтобы добраться до чего-то жизненно важного. Прямо под ключицей расходились мелкие, ветвистые следы, напоминающие разряды молнии.

Мое сердце пропустило удар, а затем сорвалось в безумный галоп.

Вспышка.

Перед глазами возникла картинка, четкая и яркая, как удар током.

Темная комната на втором этаже элитного закрытого клуба. Внизу гремят басы. Пахнет дорогим парфюмом, сигарами и... горьким миндалем. Запах яда.

Мужчина в черной маске, скрывающей половину лица, хрипит, задыхаясь на кожаном диване. Его глаза закатываются. Пена на губах. Я в панике разрываю его рубашку, чтобы сделать массаж сердца. Мои пальцы ложатся на горячую, липкую от пота кожу... и нащупывают этот самый шрам. Выпуклый. Рваный. Точно такой же.

«Не бросай меня в темноте...» — хрипит он, цепляясь ледяными пальцами за мое запястье, пока я всаживаю ему в бедро ипприц с антидотом, украденным из аптечки охраны.

Воздух выбило из моих легких.

Не может быть.

Четыре года назад на закрытой вечеринке хакеров, куда я проникла по дурости, меня обвинили в краже данных, потому что я оказалась не в том месте и не в то время. Я спасла какого-то влиятельного незнакомца, которого отравили, но мне пришлось бежать, чтобы не сесть в тюрьму за то, чего я не делала. Тот человек в маске... Я никогда не видела его лица.

Но мои пальцы до сих пор помнили текстуру этого шрама.

Я отшатнулась от двери, прижав ладонь ко рту, чтобы не закричать. Мой локоть случайно задел деревянную консоль в коридоре. Стоящая на ней тяжелая стеклянная ваза качнулась и с оглушительным звоном рухнула на мраморный пол, разлетевшись на сотни осколков.

Шум воды в ванной мгновенно прекратился.

— Кто там?! — голос Багирова разорвал тишину, в нем прозвучала угроза хищника, в чье логово проник чужак.

Дверь ванной резко распахнулась настежь.

Руслан замер на пороге. Его грудь тяжело вздымалась. Мышцы напряжены, взгляд — темный, бешеный, готовый убивать.

Мы смотрели друг на друга над россыпью битого стекла. Я — в своей дурацкой пижаме, с расширенными от шока глазами, дрожащая как осиновый лист. И он — полуголый, опасный, с тем самым шрамом на груди, который только что перевернул мой мир с ног на голову.

— Что ты здесь делаешь? — процедил он, делая шаг в мою сторону, не обращая внимания на осколки под босыми ногами.

Я не могла выдавить ни звука. Мой взгляд был прикован к его шраму.

Человек, которого я спасла четыре года назад. Человек, из-за которого вся моя жизнь пошла под откос. Мужчина, в чьем доме я сейчас находилась в заложниках.

Это был он. Мой фиктивный жених. Мой безжалостный босс.

Руслан Багиров.

Глава 4

Осколки толстого стекла блестели на черном мраморе, как россыпь бриллиантов в лунном свете. Но я не смотрела на них. Мой взгляд был намертво прикован к груди Руслана Багирова. К этому уродливому, ветвистому шраму, который кричал о боли, о предательстве и о той ночи четыре года назад, навсегда изменившей мою жизнь.

Я спасла его. Я всадила шприц с антидотом в бедро этого человека, когда его губы уже посинели от нехватки кислорода, а сердце сбивалось с ритма, готовое остановиться навсегда.

И из-за этого спасения я стала главной подозреваемой. Охрана клуба решила, что это я подсыпала яд, а потом пыталась замести следы. Мне пришлось бежать через пожарную лестницу под вой сирен, бросив там свою старую куртку с документами, перекрашивать волосы и полгода вздрагивать от каждого стука в дверь.

Я пряталась от призрака. А теперь этот призрак стоял передо мной, полуголый, злой и живой. И я была с ним связана контрактом на полгода.

— Я задал вопрос, Соболева, — низкий, угрожающий голос Руслана прорвался сквозь ватный шум в моих ушах.

Он сделал еще один шаг. Босой ногой прямо на россыпь стекла.

— Осторожно! — выдохнула я, инстинктивно подавшись вперед и вскинув руку. — Вы порежетесь.

Багиров даже не посмотрел вниз. Он не чувствовал боли или просто мастерски ее игнорировал. Его темные глаза, сейчас казавшиеся совершенно черными, сверлили мое лицо, пытаясь прочесть на нем причину моего парализующего ужаса. А затем его взгляд опустил. Он проследил траекторию того, куда я только что неотрывно смотрела.

Лицо Руслана мгновенно изменилось. Вспышка ярости сменилась ледяным, непроницаемым холодом. Мышцы на его животе напряглись, а челюсть сжалась так, что желваки заходили ходуном. Он медленным, нарочито спокойным движением дотянулся до висящего на крючке черного полотенца и набросил его себе на шею, перекрывая концами ненавистный ему шрам.

Он решил, что я испугалась его увечья. Что оно вызвало у меня отвращение.

— Воды, — мой голос предательски дрогнул, и я сглотнула вязкую слюну, стараясь взять себя в руки. Паника грозила вырваться наружу истерическим криком. — Я просто хотела попить воды. В горле пересохло. И зацепила вазу локтем. Простите. Я сейчас все уберу.

— Оставь, — резко бросил он. В его тоне звучал такой металл, что можно было ковать мечи. — Домработница уберет утром.

— Но вы стоите на стекле...

— Я сказал, оставь! — рывкнул Багиров так, что эхо отскочило от бетонных стен коридора.

Я вздрогнула, отступая на шаг. Мои пальцы вцепились в края растянутой пижамной футболки с Бэтменом, словно она могла защитить меня от его гнева.

Руслан шумно выдохнул через нос, закрыв глаза на долю секунды, словно пытаясь взять под контроль внутреннего демона. Когда он снова посмотрел на меня, его лицо было маской идеального, циничного генерального директора. Никакой уязвимости. Только власть.

— Кухня в конце коридора, налево. Вода в холодильнике, — ледяным тоном произнес он. — Выпей, успокой свои расшатанные нервы и иди спать. Завтра у нас тяжелый день. И, Есения...

Я замерла, уже развернувшись, чтобы сбежать.

— Да?

— Если еще раз будешь пялиться на меня так, будто увидела монстра из своих детских кошмаров, наш договор будет пересмотрен. Свободна.

Он развернулся и скрылся в ванной, с силой захлопнув за собой дверь. Щелкнул замок.

Я стояла в пустом коридоре, хватая ртом воздух. Монстр из детских кошмаров. Если бы он только знал.

Пробравшись на кухню, я залпом выпила два стакана ледяной воды прямо из кувшина, даже не наливая в стакан. Мои руки тряслись.

Думай, Есения. Думай.

Если Багиров узнает, что девушка с вечеринки, которую он ищет (а такие люди всегда ищут своих обидчиков), сейчас живет в его доме... Что он сделает? Поверит ли он, что я его спасла? Вряд ли. В его мире нет места альтруизму. В его мире люди убивают за деньги, за власть, за информацию. Кто-то очень влиятельный заказал его тогда. И если этот «кто-то» подставил меня, Руслан решит, что я — наемница. Что я вернулась, чтобы закончить начатое.

Он уничтожит меня. Он не просто отправит меня в тюрьму. Он сотрет меня в порошок, а моего брата скормит синдикату на завтрак.

Вывод был очевиден, как математическая аксиома. Багиров никогда, ни при каких обстоятельствах не должен узнать, что я и есть та «девушка с миндалем». Я должна играть роль запуганной, влюбленной дурочки. Идеальной фиктивной невесты. Ровно шесть месяцев. А потом забрать свою свободу и исчезнуть из его жизни навсегда.

С этой мыслью я вернулась в свою шикарную гостевую спальню, заперла дверь на ключ и провалилась в тяжелый, беспокойный сон без сновидений.

Утро началось не с кофе. Оно началось с вторжения.

Ровно в семь ноль-ноль в мою спальню без стука ворвалась армия. Две женщины с кофрами, мужчина с набором косметики размером с чемодан киллера, и строгая дама в очках в роговой оправе, которая представилась: «Виктория, ваш личный стилист на время контракта».

Меня вытащили из постели, лишили моей брони в виде пижамы и бросили в жернова индустрии красоты.

Два часа надо мной колдовали. Мои волосы, обычно стянутые в строгий узел, вымыли чем-то, что пахло орхидеями и деньгами, и уложили крупными, небрежными волнами, падающими на плечи. На лицо нанесли макияж, который кричал «я проснулась такой безупречной, но это стоило тысячу долларов».

Но самое страшное началось, когда открыли кофры с одеждой.

— Никаких балахонов. Никакого дешевого полиэстера, — отчеканила Виктория, с отвращением отбрасывая мой серый костюм в сторону. — Руслан Тимурович дал четкие указания. Статус. Элегантность. Скрытая сексуальность. Шейхи любят скромность, но Руслан любит, чтобы все знали, что ему принадлежит лучшее.

— Я не вещь, чтобы меня кому-то демонстрировали, — буркнула я, пытаясь прикрыться полотенцем.

— Сегодня вы — инвестиция, Есения Андреевна. А инвестиции должны выглядеть привлекательно. Надевайте.

Мне протянули костюм. Но это был не тот костюм, к которому я привыкла.

Это была шелковая блуза насыщенного изумрудного цвета, которая потрясаяще оттеняла мои серо-зеленые глаза. У нее был глухой ворот, но ткань струилась по телу так, что не оставляла простора для воображения, очерчивая каждый изгиб. Вниз шли широкие брюки-палаццо из тяжелой шерсти цвета графита, с высокой талией, которая делала мои ноги бесконечными. И туфли. Черные лодочки на шпильке-стилете, в которых можно было убить человека одним точным ударом.

Когда я посмотрела в зеркало в полный рост, у меня перехватило дыхание.

Оттуда на меня смотрела не Сеня Соболева из Медведково, уставшая айтишница с синяками под глазами. На меня смотрела хищница. Красивая, опасная, дорогая женщина. Невеста миллиардера.

— Идеально, — констатировала Виктория. — Не забудьте кольцо.

Я послушно надела бриллиант на палец. Он сверкнул в лучах утреннего солнца, словно подмигивая мне. Игра началась.

Когда я вышла в гостиную, Руслан уже ждал меня у панорамного окна. На нем был темно-серый костюм-тройка, подчеркивающий его внушительные габариты. Он разговаривал по телефону, но когда услышал стук моих каблучков по мрамору, обернулся.

Разговор оборвался на полуслове.

Багиров медленно опустил телефон. Его темный, как безлунная ночь, взгляд прошелся по мне от кончиков туфель до макушки. В этих глазах вспыхнул и тут же погас какой-то первобытный, голодный огонь. На мгновение мне показалось, что он сейчас сделает шаг навстречу, прижмет меня к стеклу и сорвет этот чертов шелк. Воздух между нами заискрился. Я перестала дышать.

Но Багиров был мастером контроля. Он моргнул, и наваждение рассеялось. Лицо вновь стало высеченным из камня.

— Приемлемо, — сухо бросил он. — Едем. Мы и так опаздываем на пятнадцать минут.

Приемлемо? Я чуть не задохнулась от возмущения. Да я выглядела как гребаная королева! Но я лишь стиснула зубы и молча последовала за ним к лифту.

Поездка до Москва-Сити прошла в напряженном молчании. В машине пахло его сандаловым парфюмом, и этот запах заставлял мои нервы натягиваться струной. Я сидела, скрестив ноги и идеально выпрямив спину, стараясь не смотреть на то, как длинные, сильные пальцы Руслана набирают текст на планшете.

Те самые пальцы, которые вчера заправляли мне прядь за ухо.

— Какие у меня обязанности в качестве личного помощника? — нарушила я тишину, когда мы въехали на паркинг. — Помимо того, чтобы изображать восторженную статую.

Руслан, не отрывая взгляда от экрана, ответил:

— Ты будешь вести мой календарь. Присутствовать на всех закрытых совещаниях с инвесторами. Фильтровать звонки, которые Лидия не имеет допуска принимать. Анализировать договоры по кибербезопасности, которые мы подписываем — твои прямые навыки мне там пригодятся.

— И варить вам кофе? — язвительно уточнила я.

Багиров наконец поднял глаза и посмотрел на меня с легкой усмешкой.

— Только если захочешь меня отравить, Соболева. Впрочем, учитывая твой характер, я бы не стал пить из твоих рук даже святую воду.

Мое сердце совершило кульбит и рухнуло куда-то в желудок. *Отравить.* Он сказал это в шутку, просто как фигуру речи, но для меня это прозвучало как выстрел в упор. Я заставила себя выдавить фальшивую улыбку, молясь, чтобы он не заметил, как побледнело мое лицо.

— Обещаю не подсыпать мышьяк в ваш эспрессо. Пока мы не подпишем сделку с арабами.

Двери лифта открылись на семьдесят третьем этаже.

Как только мы ступили на ковер приемной, атмосфера изменилась. В воздухе запахло корпоративной кровью.

Все, кто находился в холле, замерли. Взгляды десятков людей скрестились на нас. На Руслане, идущем уверенной, хищной походкой, и на мне — идущей рядом с ним с высоко поднятой головой.

Я чувствовала, как мне в спину летят мысленные ножи. «Кто она такая?», «Как эта выскочка из подвала айтишников оказалась в его постели?», «Сколько она продержится?».

Руслан остановился у стола Лидочки. Секретарша вскочила, как ужаленная.

— Лидия, — голос Багирова был спокоен, но не терпел возражений. — Рабочее место Есении Андреевны должно быть оборудовано в малом кабинете, смежном с моим. У нее полный, неограниченный доступ ко всем моим файлам, расписанию и электронной почте. Уровень допуска — красный.

Глаза Лидочки стали размером с блюдца. Красный допуск был только у самого Руслана и его брата Макара. Даже финансовый директор имел синий.

— Д-да, Руслан Тимурович. Будет сделано, — пролепетала она, бросая на меня взгляд, полный жгучей зависти и страха.

— Зайди ко мне, как только обустроишься, — Руслан бросил на меня короткий взгляд, в котором мелькнуло предупреждение: *не расслабляйся*, и скрылся за массивными дверями своего кабинета.

Я осталась одна на поле боя.

Малый кабинет оказался роскошной комнатой со стеклянной стеной, выходящей в коридор, и смежной дверью в кабинет босса. Здесь был свой мраморный стол, компьютер последней модели и кресло, которое стоило больше, чем моя почка.

Я только успела поставить свою сумочку на стол, как стеклянная дверь распахнулась.

На пороге стояла Элина.

Пиар-директор холдинга выглядела как ожившая фантазия из мужского журнала. Облегающее алое платье, разрезы в стратегически важных местах, идеальные платиновые локоны и губы, накачанные ровно настолько, чтобы выглядеть порочно, но дорого. Элина была неофициальной фавориткой Багирова до моего появления. И судя по ее взгляду, она пришла вернуть свою территорию.

В ее руках был бумажный стаканчик с кофе из «Старбакса» и стопка распечатанных документов.

— Привет, — Элина шагнула в мой кабинет, даже не спросив разрешения. Она окинула меня презрительным взглядом с ног до головы, задержавшись на изумрудной шелковой блузе. — Надо же. Вчера — серая мышь из техподдержки, сегодня — икона стиля за чужой счет. Быстро ты осваиваешь бюджет компании, Соболева.

— Доброе утро, Элина, — я спокойно села в свое кресло, не поддаваясь на провокацию. — Чем могу помочь? Я сейчас изучаю расписание Руслана Тимуровича...

— О, не утруждайся. Я прекрасно знаю расписание Руслана Тимуровича, — она сделала акцент на имени, шагнув ближе к столу. — И его предпочтения. Во всем. Не обольщайся этим цирком с помолвкой, девочка. Мы все знаем, что это показуха для шейха Аль-Мансура. Багиров не женится на таких, как ты. Вы для него — расходный материал. Фастфуд. Пожевал и выплюнул.

Мои ногти впились в кожаные подлокотники кресла. Я знала, что она пытается вывести меня из себя, но ее слова били точно в цель, поднимая со дна души старые комплексы.

— Если это все, что вы хотели сказать, Элина, то прошу освободить кабинет. Мне нужно работать, — ледяным тоном ответила я.

Элина сузила глаза. В ее взгляде мелькнула неконтролируемая, женская злоба. Она сделала еще один шаг к столу, якобы чтобы положить документы, но ее рука «случайно» дрогнула.

Бумажный стаканчик наклонился. Горячий, липкий латте с сиропом хлынул прямо на мой стол, заливая клавиатуру, мышку и белоснежные листы документов. Несколько капель брызнули мне на руки.

Я инстинктивно отскочила, чудом спасая свою шелковую блузу от коричневых пятен.

— Ой, — фальшиво, с издевательской улыбочкой произнесла Элина. — Какая неловкость. Руки дрожат от недосыпа. Руслан такой... ненасытный по ночам, правда?

Она бросила пустой стаканчик прямо в лужу кофе на моем столе.

— Прибери тут, Соболева. Ты, может, и греешь ему постель, но в этом офисе ты — просто обслуживающий персонал. Тряпку найдешь у уборщицы. И перепечатай эти пресс-релизы до обеда. Там, кстати, и о твоей «сказочной» помолвке есть. Почитаешь, всплакнешь.

Она развернулась, собираясь триумфально покинуть кабинет.

Я задохнулась от унижения. Гнев, чистый, незамутненный гнев, затопил меня с головой. Я не позволю этой силиконовой кукле вытирать об меня ноги. Я открыла рот, чтобы высказать ей все, что думаю, не стесняясь в выражениях, но не успела произнести ни звука.

Смежная дверь распахнулась.

В проеме стоял Руслан Багиров.

Температура в кабинете мгновенно упала ниже нуля. Его лицо было не просто холодным, оно было устрашающим. Черные глаза превратились в две бездонные воронки, засасывающие весь свет в комнате. Он не кричал. Ему это было не нужно. Самого его присутствия было достаточно, чтобы воздух стал тяжелым, как свинец.

Он видел все. Через полупрозрачные жалюзи смежной двери он наблюдал за этой сценой от начала и до конца.

Элина замерла, побледнев так резко, что ее идеальный румянец стал выглядеть как два клоунских пятна на белом лице.

— Руслан... — пискнула она, и ее уверенность испарилась, сменившись животным страхом. — Это случайность, я просто...

Багиров сделал шаг в кабинет. Медленно, плавно, как пантера перед прыжком. Он подошел к моему залитому кофе столу. Взглянул на испорченные документы, на лужу сладкой жижи, а затем перевел взгляд на Элину.

— Случайность, — тихо, почти ласково повторил он. Но от этой ласки мороз продирает по коже. — Элина Марковна. Вы работаете в моем холдинге три года. Вы возглавляете целый департамент. И при этом у вас не хватает координации движений, чтобы удержать стакан с кофе? Возможно, вам стоит обратиться к неврологу. Или написать заявление по собственному желанию в связи с прогрессирующим слабоумием.

— Руслан Тимурович, я не хотела! — голос Элины дрогнул, в нем зазвучали слезы. — Она спровоцировала меня, она вела себя...

— Закрой рот, — голос Багирова не повысился ни на децибел, но ударил как хлыст. Элина захлопнула рот так резко, что лязгнули зубы.

Руслан обошел стол и встал рядом со мной. Он не просто встал. Он положил свою большую, тяжелую ладонь на мою талию, притягивая меня к своему боку. Жест был властным, защитным и абсолютно собственническим. Тепло его тела просочилось сквозь шелк, успокаивая мою дрожь.

— Послушай меня внимательно, Элина, и передай это всем остальным шакалам на этаже, — каждое слово Багирова сочилось ядом. — Есения Андреевна — не обслуживающий персонал. Она — мой партнер. В жизни, а вскоре и на бумаге. Она — будущая хозяйка всего, что ты видишь вокруг себя. И если я еще раз увижу, услышу или даже просто почувствую, что ты проявила к ней малейшее неуважение... Я не просто уволю тебя. Я устрою тебе волчий билет. Ты не сможешь устроиться даже промоутером раздавать флаеры у метро. Я уничтожу твою карьеру так быстро, что ты не успеешь моргнуть. Мы поняли друг друга?

Элина сжалась, став визуально в два раза меньше. Слезы унижения покатались по ее щекам, размазывая идеальные стрелки.

— Да, Руслан Тимурович.

— Прекрасно. А теперь, — Багиров указал длинным пальцем на залитый стол. — Убери это.

— Что? — Элина вскинула голову. — Но... Лидочка может позвать клининг...

— Я сказал — убери это сама, — с металлом в голосе повторил он. — Руками. Или языком, мне плевать. Но чтобы через пять минут стол Есении блестел.

Он развернулся, сильнее сжав пальцы на моей талии, и повел меня в свой кабинет, захлопнув за нами тяжелую дверь и оставив рыдающую пиар-директора собирать размокшие бумаги.

Оказавшись в безопасности его берлоги, я выдохнула, чувствуя, как адреналин отступает, оставляя после себя слабость в коленях.

Руслан убрал руку с моей талии. Его лицо все еще было жестким.

— Ты не должна позволять им вытирать об себя ноги, — резко сказал он, подходя к панораме окна и глядя на город. — В этом бизнесе, как в джунглях. Покажешь слабость — разорвут. Почему ты стояла и молчала?

— Я не успела ничего сказать! — возмутилась я, упирая руки в бока. Искры снова полетели между нами. — Вы ворвались как Бэтмен и забрали у меня все веселье! Я собиралась послать ее так далеко, что она бы заблудилась.

Багиров обернулся. В его темных глазах на секунду мелькнуло что-то похожее на одобрение, смешанное с раздражением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.